

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
ОТ АВТОРОВ	27
ТОНИ.....	30
ГАБРИЭЛЬ	81
КЕЗИЯ	129
МАРКУС	173
ШАРЛОТТА	210
ЗАРА	248
ЯН	289
ЛИДИЯ	331
ШЭРОН.....	371
СЭМ	409
ДЭВИД.....	451
ЭПИЛОГ.....	498
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ.....	501
ПРИМЕЧАНИЯ	503

*Посвящается Лоре,
чей дух объединил нас*

Причина зла, существующего в мире, состоит в том, что люди не умеют откровенно говорить о себе.

*Карл Юнг. «Карл Юнг и Зигмунд Фрейд:
Полный архив переписки», т. 2*

Предисловие

В те далекие времена, когда люди разговаривали друг с другом в самолетах, меня иногда спрашивали, чем я зарабатываю на жизнь. Вот что я в таких случаях отвечала:

— Я психиатр и психотерапевт, работаю с пациентами, которые склонны к агрессии и насильственным действиям.

Легкое любопытство перерастало в изумление.

— Вы хотите сказать, что общаетесь, разговариваете с такими людьми?

Нередко за этим следовала импровизированная лекция на тему о том, что «заниматься проблемами» подобных «монстров» — это «потеря времени», или же о том, что с такой профессией я скорее сама сойду с ума — «им ведь нельзя помочь, они же родились такими, разве не так?». Время от времени какой-нибудь пассажир-англичанин, наклонившись ко мне, мог, понизив голос, сказать:

— Если откровенно, я думаю, парламенту следовало бы вернуть закон, позволяющий вешать таких типов.

Сейчас крайне редко кто-то пытается завязать беседу, пока пассажиры устраиваются в самолетных креслах и пристегивают ремни, но даже если это происходит, я предпочитаю говорить, что моя профессия — флорист. Тем не менее считаю, что всем, у кого человеческая жестокость вызывает интерес и одновременно отторжение, стоило бы знать, какие существуют методики

лечения людей, склонных к насилию. И цель моей книги — дать им возможность это узнать.

Название книги связано с латинской пословицей, которая гласит, что демоны, которых мы знаем, менее опасны, чем те, которые нам неизвестны. Если бы среди моих попутчиков оказалась люди, из которых можно было бы сформировать небольшую психотерапевтическую группу, я бы, пожалуй, проверила их способности к образному мышлению, попросив подумать над этой пословицей и сказать, как они ее понимают. Я часто представляла себе такую гипотетическую психотерапевтическую группу как небольшое сообщество общительных, разговорчивых людей. Мы с ними могли бы открыть дискуссию, заговорив о знакомых им разновидностях демонов, существующих в тех или иных религиях или же в их фантазиях.

— А что вы скажете о демоне, которого мы не знаем? — спросила бы я в какой-то момент. — Кто это в вашем понимании?

— Очевидно, это кто-то нам незнакомый или что-то нам чуждое, — ответил бы кто-нибудь из моих собеседников. — Вроде тех ужасных людей, с которыми вы работаете.

Надеюсь, со временем члены группы с удивлением поняли бы, что это также может быть жестокое и подчас неосознаваемое нами «я», живущее внутри каждого из нас. Я прекрасно понимаю, что для многих было бы нелегко это принять. Здесь уместно привести, слегка перефразируя, слова дочери короля Лира: «Самих себя всегда мы плохо знаем».

В следующих далее историях я расскажу, как именно мои коллеги и я работаем с «ужасными людьми», и продемонстрирую, насколько важно бывает выслушать человека и проявить к нему сострадание. Я не осуждаю тех, кто не согласен с этим, как не осуждаю и моих па-

циентов, и прекрасно понимаю, почему у многих людей сложилось весьма категоричное мнение по поводу моей работы. Всех завораживает то, что мы называем злом, а именно — способность человека к проявлениям насилия и жестокости. Контент наших новостных и развлекательных СМИ — лучшее тому доказательство¹. Даже если глобальная статистика указывает на медленное и постепенное, но все же неуклонное сокращение числа всевозможных проявлений насилия в современную эпоху, наше желание знать о них как можно больше, наоборот, растет. Говоря об этом, говорю и о себе — в конце концов, я не случайно выбрала свою профессию.

В 1980-х годах, когда я училась в медицинском институте, к психиатрии как науке и специальности многие все еще относились с пренебрежением и скептицизмом, хотя к тому времени все уже давно признали важность и необходимость не только телесного, но и душевного здоровья. (Как любит говорить один мой коллега, «врачи-психиатры следят только за той частью человеческого организма, которая голосует».) Будучи студенткой, я некоторое время пыталась углубленно изучать ортопедическую хирургию — вероятно, по той причине, что мне нравилось приводить в порядок поврежденные кости и суставы, а также потому, что я могла ясно видеть положительный практический эффект, которого добивались представители этой медицинской специальности. Но меня также интересовала психиатрия с ее вниманием к тому, как и кем именно осознает себя тот или иной человек и как он коммуницирует с окружающим миром. Мне казалось, что эта медицинская специальность способна стать серьезным стимулом к интеллектуальному и эмоциональному развитию. Я видела, что потенциал такого сложного механизма, как человеческий мозг, поистине огромен и что воздействие на восприятие людьми окружающего мира

может иметь большое значение — как в сугубо личном, так и в более широком плане.

На протяжении веков люди часто использовали в качестве метафор для обозначения человеческого сознания технологические термины. Вероятно, в наше время мы чаще всего сравниваем наше сознание с компьютером — некой машиной, в которую как бы встроена личность того или иного конкретного человека. Данные о мыслях и эмоциях «обрабатываются» и «сохраняются», меняя предмет наших размышлений или занятия, мы «переключаем режимы». Подобное представление о сознании само по себе в какой-то степени требует изучения, но при этом дает очень слабое представление о сложности и важности человеческого опыта, особенно в сфере межличностных отношений, в которую мы погружены на протяжении всей нашей жизни. Физики, как, например, Карло Ровелли, говорят нам, что Вселенная — понятие релятивистское, таковым должно быть и наше сознание, а если это так, то, значит, нам нужны более точные и совершенные метафоры, которые отражали бы наш постоянно меняющийся и обогащающийся психологический опыт.

Я предпочитаю представлять сознание в виде кораллового рифа, древнего, многослойного и во многом загадочного, не лишенного темных сторон и таящего в себе в том числе и опасности, но в то же время обладающего живительным многообразием. Его устройство может казаться беспорядочным, но на самом деле представляет собой сложную и весьма совершенную структуру-экосистему, бесконечно разнообразную и являющуюся неотъемлемой частью жизни людей. Многие такие рифы под влиянием экологических проблем теряют яркую окраску и разрушаются. Однако научные данные свидетельствуют, что они обладают способностью реагировать на внешние воздействия, приспособляться и становиться более к ним устойчивыми. Еще будучи

студенткой, я поняла, что изучение психиатрии требует «глубокого погружения» и проникновения в темные пространства, где можно столкнуться как с прекрасным, так и с серьезными опасностями. Я довольно рано усвоила: чтобы привыкнуть к пребыванию в таких пространствах и научиться, находясь там, не терять хладнокровия, потребуется время.

С тех пор на протяжении долгой профессиональной карьеры мой благоговейный трепет от осознания того, что я имею дело с океаном и его таинственными глубинами, лишь рос. Должна признаться, я обожаю идею Э. Э. Каммингса, что «в море мы находим не кого-нибудь, а самих себя»². Работа приносила мне огромное удовлетворение, а ее результаты часто оказывались непредсказуемыми. Благодаря ей я узнала, что добро и зло, разные представления о том, что хорошо, а что плохо, как и осознание людьми себя жертвой или преступником, отнюдь не высечены в камне и могут одновременно сосуществовать в одном и том же человеке. В самом начале профессиональной деятельности я думала, что моя работа состоит в том, чтобы помочь людям чувствовать себя лучше. Со временем я поняла, что моя задача — помочь им разобраться в собственном сознании, а это, согласитесь, совсем другое. Для моих пациентов решение такой задачи было довольно болезненным, да и мне этот процесс зачастую давался нелегко. Я обнаружила, что мне не удастся избежать тягостных чувств, хотя это, как правило, скорее печаль и разочарование, нежели ужас и отвращение. Мое дело — найти в сознании пациентов ответы на те или иные вопросы и при этом сохранить сочувственно-отрешенное, нейтральное состояние духа, которое буддисты описывают как промежуточный этап между смертью и последующим перерождением.

По мере того как уровень моей подготовки как психиатра рос, я постепенно начинала узнавать, что такое

работа эксперта в области психиатрии, в ходе которой специалистам приходится проникать в такие темные уголки сознания других людей, что это подчас может быть связано с определенным риском. Прилагательное «forensic», то есть «экспертный», «криминалистический» или «судебный», изначально происходит от латинского «forum», что означает место для проведения юридических дискуссий. Помимо предоставления заключений, постановки диагнозов и координации действий по лечению пациентов, то есть той работы, которой занимается любой медик, психиатры-криминалисты изучают вопрос о том, как общество относится к людям, которые нарушают уголовное законодательство. В ходе этого изучения возникают весьма интересные этические и юридические вопросы — в частности, о степени вины преступника и мере его ответственности за совершенное злодеяние, если он психически нездоров. Многие психиатры-криминалисты работают в спецучреждениях для душевнобольных в составе команды профессионалов, обеспечивающих пациентам скоординированное и квалифицированное лечение. Они и другие медики словно воздушные гимнасты или прыгуны в воду с большой высоты, которые обсуждают планы своих действий и в равной степени несут ответственность за безопасность друг друга. Я изначально по своей природе люблю работать совместно с другими, о чем весьма красноречиво говорит тот факт, что я довольно много занималась групповой психотерапией (а также то, что написала эту книгу), так что деятельность эксперта-криминалиста для меня практически идеальный выбор.

Овладев специальностью психиатра-криминалиста, я вскоре поняла, что хочу повысить свою квалификацию и как психотерапевт. Когда психиатрия как наука только начинала развиваться, большинство психиатров одновременно являлись невропатологами и психо-

терапевтами, но к концу XX века эти профессии приобрели статус отдельных медицинских специальностей. Так что теперь ситуация, когда психиатр одновременно оказывает услуги в качестве психотерапевта, считается нетипичной. Как и другие медики, психиатры в основном стали выступать в качестве координаторов, ведущих тех или иных конкретных пациентов и осуществляющих общий надзор за их состоянием и применяемыми методами лечения. Для меня же главным в психиатрии был диалог с пациентом, истории жизни людей. Мне хотелось добиваться глубокого взаимодействия с ними и иметь достаточно времени на размышления. Впоследствии, обучаясь профессии психотерапевта, я стала овладевать знаниями в таких специфических областях, как насилие со стороны матери по отношению к ребенку, эмоциональные и психологические травмы, особенности работы с группами пациентов, а также медицинская этика и лечение других врачей. Все это так или иначе вплетено в полотно описанных далее человеческих судеб. Важной нитью, проходящей через все повествование, стало изучение мной такой темы, как детские привязанности в человеческих отношениях и их связь с насилием в более позднем возрасте. Как станет ясно дальше, это оказало сильное влияние на мое восприятие человеческого поведения.

Любое насильственное преступление является трагедией — и для его жертв, и для их близких, и для тех, кто его совершил. Я написала эту книгу вовсе не затем, чтобы попытаться доказать, что любое насильственное действие следует прощать или что обитателей наших тюрем и психиатрических больниц следует выпустить на свободу. Я твердо верю в необходимость того, чтобы люди следовали требованиям закона, и у меня нет сомнения в том, что преступники, склонные к насильственным действиям, должны находиться в изоляции от общества. Я также понимаю, почему некоторые люди испытывают

непреодолимое желание клеймить таких преступников и говорить о том, что они заслуживают самого сурового наказания: жажда мести — одна из самых сильных и глубоких человеческих эмоций, стремление к некоей первобытной, примитивной справедливости. Но она не дает нам избавиться от страха и гнева и вызывает у нас стремление к жестокости — той самой, которая для нас, по нашим собственным словам, неприемлема. Такая ситуация может оказаться для нас болезненной. Есть немалая доля истины в весьма распространенном убеждении, что ненавидеть кого-то — это все равно что принять яд и ждать, что объект нашей ненависти умрет. И, как справедливо отмечал Ганди и его последователи, мерилom справедливости общества является то, в какой степени ему присуща способность к состраданию к худшим его членам.

С годами я постепенно все больше прихожу к восприятию моих пациентов как людей, выживших после катастрофы, а себя и своих коллег — как сотрудников экстренных служб. Я встречаюсь со своими больными в критические, поворотные моменты их жизни и помогаю им свыкнуться с их новым «я», что может быть очень непросто. Я хорошо запомнила высказывание одного из моих пациентов, который как-то заметил: «Вы можете быть бывшим водителем автобуса, но не бывшим убийцей». В процессе нашей работы мы пытаемся научить людей брать на себя ответственность за свою жизнь, а это долгий и трудный процесс. Причем все это приходится делать в обстановке меняющихся политических реалий, которые во многом влияют на психику пациентов и на итоговые результаты лечебного процесса. Не могу не вспомнить, как вскоре после того, как в начале 1990-х годов я начала карьеру эксперта-криминалиста, тогдашний премьер-министр Великобритании, Джон Мейджор, сделал свое нашумевшее заявление: «Обществу следует немного больше осуждать и про-

являть немного меньше понимания». За этой недлинной, но весьма категоричной фразой, прозвучавшей из уст главы правительства, последовала волна заключения людей в тюремные камеры одновременно с резким сокращением службы психиатрической помощи. Это имело тяжелые и весьма далекоидущие последствия как в Британии, так и в мире в целом. На эту тему уже много было сказано и написано людьми, гораздо более опытными и квалифицированными, чем я. От себя добавлю только, что мы сажаем в тюрьмы слишком многих — главным образом ради того, чтобы удовлетворить общественный запрос на проявление жесткости и решительности в борьбе с преступностью. И это притом что лишь очень небольшой процент подвергаемых заключению действительно настолько жесток и опасен, что этих людей нельзя реабилитировать, не изолируя от остальных.

Я проработала на Национальную службу здравоохранения Великобритании более тридцати лет. Значительную часть этого времени я провела в Бродмурской больнице в Беркшире, примерно в пятидесяти милях к западу от Лондона. Больница была построена в 1863 году и стала частью системы психиатрических больниц, созданной в Викторианскую эпоху, то есть медицинских учреждений, где можно было лечить душевнобольных преступников — иногда неограниченно долго. Возведенная в карикатурно-готическом архитектурном стиле и известная тем, что в ней содержались самые печально известные злодеи, совершившие насильственные преступления, Бродмурская больница уже давно снискала весьма мрачную репутацию в британском обществе. В студенческие годы, посещая ее в учебных целях, я тоже со всей самоуверенностью и горячностью молодости думала о ней как о безнадежно устаревшем, архаичном лечебном учреждении и даже просто как о варварском месте. Однако придя

туда работать, я довольно быстро поняла, что это не так. Наши психиатрические лечебницы выполняют важную и весьма гуманную функцию, и я с радостью могу сказать то же самое и об аналогичных заведениях в большинстве других развитых стран — они тоже являются достойной альтернативой тюрьме для людей, которым такая альтернатива нужна.

Сегодня такие места, как Бродмурская больница, больше не считаются темницами для тех, кому ничем нельзя помочь и кто никогда не выйдет на свободу. Напротив, акцент делается на лечении и реабилитации пациентов в целях их выздоровления при среднем сроке пребывания в таких учреждениях пять лет. В Бродмуре в настоящее время около двухсот коек — почти вдвое меньше, чем тогда, когда я впервые появилась там в качестве сотрудника медперсонала. Многих людей теперь направляют в лечебные учреждения не со строгим, а с усиленным или даже общим режимом безопасности, и там мне тоже довелось немало поработать. Большинство пациентов таких медучреждений попадают туда либо по решению суда после завершения процесса, либо в результате перевода из тюрьмы для лечения (если состояние их психики ухудшается), или же — в редких случаях — тогда, когда в процессе амбулаторного психиатрического лечения возникает опасность, что они могут создать проблемы другим людям.

В одной из глав книги я расскажу о своей работе с заключенными в тюрьмах в качестве сотрудника Национальной службы здравоохранения. Ведомства, отвечающие за психическое здоровье населения Соединенного Королевства, обязаны проводить работу в исправительных учреждениях с теми из содержащихся там людей, у кого имеются психиатрические проблемы. Такая ситуация существует с 1990-х годов. Выделенные в этих целях группы специалистов делают все возможное, чтобы обеспечивать психиатрическую помощь и лечить